

ПОХИТИТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ

ЛОВЕЦ ТЕНЕЙ

Екатерина Неволлина

Екатерина Александровна Неволлина
Ловец теней
Серия «Похитители
древностей», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958658
Ловец теней: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61642-8

Аннотация

Добраться до Брюсова календаря – артефакта, обладающего необыкновенной магической силой, оказывается непросто, особенно если тени прошлого не оставляют в покое. Отправляясь на очередное задание, Ян не думал, что ему придется столкнуться не только с могущественным противником, но и с собственным прошлым. Молодой маг верил в себя, вот только соперник оказался гораздо сильнее, чем Ян мог представить.

Содержание

Глава 1	18
Глава 2	34
Глава 3	52
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Екатерина Александровна Неволина Ловец теней

TOP SECRET

№ 15/2

Путилина Александра

1996 г.р.

СЕКРЕТНО

Родилась
в Москве

Владеет современными
и мертвыми языками.

Ей достаточно
одного взгляда,
чтобы датировать
любую древность.

TOP SECRET

№ 15/3

Серов Северин

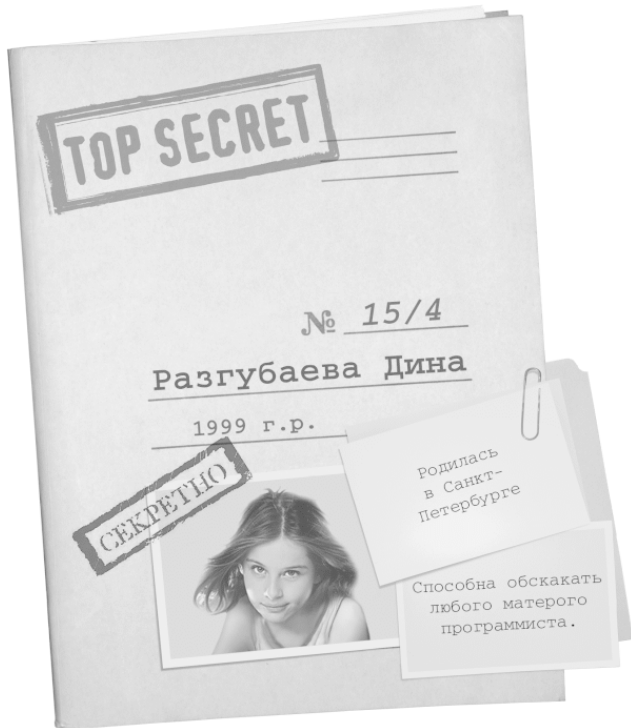
1997 г.р.

СЕКРЕТНО

Уроженец
Беломорского района
Республики Карелия

Быстрый. Сильный.
Смертельно опасный.

Ночь спускалась на усадьбу, на господский дом, каменный, в европейском стиле, с причудливыми масками на стенах, на крытые тесом крыши хозяйственных построек, на небольшие уютные флигели... Случайный путник, оказись он в усадьбе, несомненно, удивился бы царящей вокруг тишине. Не доносилось голосов из людской, не ворочалась в хлеву скотина, не брехали собаки. Лишь робкий огонек свечи мелькнул за большими окнами господского дома, да не

по-апрельски холодный ветер шуршал листвою в саду.

Старик, спускавшийся по лестнице со свечой в руке, выглядел неплохо для своих лет. Длинные седые волосы падали на плечи, суровое морщинистое лицо оживляли умные, внимательные глаза.

– Михаил, Михаил, – окликнул он кого-то хрипловатым, но еще сильным голосом.

Вскоре на зов появился мужчина средних лет, с окладистой черной бородой, он поклонился старику в пояс.

– Ваша светлость, граф Яков Вилимович, чего изволите?

– Михаил, где все? Отчего так пусто? – спросил старик.

– Так это, ваша светлость, уехали все.

– Уехали? Куда?!

– Никиту, конюха, да Ваську с Афанасием, да ключницу вы сами изволили отпустить к родне.

– Не припоминаю такого, – сухо сказал старик.

– Так как же, едва голову от реторты ¹ подняв, сказать изволили: «Пусть едут куда хотят, не мешай мне. И не беспокой больше по пустякам».

– А прочая прислуга? Или ты их сам отпустил?! – В голосе старика зазвучали стальные нотки.

– Как можно, ваша светлость? Они... – бородач замялся.

– Сбежали?! – закричал граф. – Немедля пошли к Никите

---

¹ Круглая стеклянная колба с длинным носиком, применяется для химических (и алхимических) опытов.

Андреевичу², пусть отправит драгун и сыщет беглых! Да что за блажь такая на них нашла?!

– От страха, ваша светлость, пока вы в ла-лабора-тотории, – мужик тщательно выговорил непривычное слово, – опыты производили, великий страх на людей напал. Грохотало там у вас, и серой пахло, и мерещилось всякое. Вот людишки и побежали. Только я да Мария ваша остались. Позвать ее?

– Позови да принеси что-нибудь поесть. А потом мне понадобится твоя помощь.

Сдавленный крик слуги заставил графа круто развернуться. На лестнице, откуда он спустился, виднелась чья-то черная фигура. Тонкая, несуразная, какая-то нечеловеческая. Вместо половины лица у пришельца была тьма.

– С нами крестная сила, с нами крестная сила, – забормотал Михаил, неистово крестясь.

Старик поднял руку и быстро произнес непонятную фразу. Слуга разобрал только: *Vade retro, creatura*³.

По комнате прошелся леденящий порыв ветра, и непонятный пришелец исчез.

– Это ничего, – сказал граф, – тебе не следует беспокоиться об этом.

Откуда-то из бокового коридора послышался громкий стук и цоканье, в круг света выбежала маленькая пушистая

---

² Оболдуев Никита Андреевич – в то время глава московской полиции.

³ Изыди, создание (*лат.*).

собачка. Трудно было поверить, что такое небольшое создание может производить столько шума. Старик ласково взял собачку на руки и направился к глубокому парадному креслу.

– Ну иди же, позови Марию, – произнес он утомленным голосом, адресуясь к еще стоящему в дверях слуге.

– Да, господин граф...

Граф прикрыл глаза, но уже через минуту в комнате слышались легкие шаги.

Вбежавшая девушка казалась лучиком света – тоненькая, удивительно юная и прекрасная, она так же нелепо смотрелась в этой мрачной, заставленной тяжелой старомодной мебелью комнате, как легкая яркая бабочка, пришпиленная к черной бархатной подушке.

– Подойди ко мне, дитя мое, – проговорил старик, не открывая глаз.

Девушка скользнула к креслу и опустилась перед ним на колени, обнимая ноги графа. Он ласково потрепал ее по волосам.

– Любишь ли ты меня? – спросил старец.

– Больше света люблю! – откликнулась девушка. В ее огромных распахнутых глазах и вправду сияла любовь.

Яков Вилимович наконец взглянул на нее, приподнял подбородок девушки. На фоне ее юной кожи его рука казалась рукой мумии – мертвенная желтизна с коричневыми старческими пятнами казалась еще неестественней, еще от-

вратительнее. Однако девушка, видимо, не замечала всего этого и по-прежнему смотрела на старика с неприкрытым обожанием, однако сам он, заметив этот контраст, чуть заметно поморщился.

– Это тело уже никуда не годится, – пробормотал он, – но ничего, скоро, уже совсем скоро я сменю его... Будешь ли ты верна мне по-прежнему?

– Буду, мой господин! – Девушка поднесла к губам его руку и принялась покрывать ее поцелуями. – Я не оставлю вас, даже если вы сами будете гнать меня прочь! Что бы ни случилось!

Собачка, по-прежнему сидящая на коленях у графа, тявкнула, словно подтверждая своим свидетельством горячую клятву.

– Я знаю, Мария! Ты славная девушка. Ну, поцелуй меня и ступай!

Нежные девичьи губы коснулись стариковского рта. В этот миг по комнате прошелся легкий ветерок, и даже старые тяжелые портьеры дрогнули, словно от отвращения.

– Уже скоро... – прошептал граф вслед уходящей девушке и снова закрыл глаза. Нужный час еще не пробил, значит, можно немного подремать.

Ночь окончательно вступила в свои права, когда граф спустился в подвал усадьбы. За ним Михаил, пыхтя и обливаясь потом, вез на тачке большой, размером с человека, дощатый

ящик. Старик подошел к сырой, холодной кирпичной стене и, мурлыкая себе под нос что-то, напоминавшее детскую считалочку, нажал не несколько кирпичей в определенном порядке. Кусок стены бесшумно отошел в сторону. Пройдя через потайной проход, слуга и граф оказались в небольшом сводчатом помещении. Зажженный Михаилом факел осветил реторты и перегонные кубы, загадочные знаки на стенах и на полу, корешки многочисленных книг, стоявших на полках. Взгляд слуги случайно упал на одну из них. «Лемегетон Клавикула Соломонис»⁴, – прочитал он. Хозяин научил его разбирать латинские буквы, но не понимать смысл написанного. И то хорошо, душа целее будет.

– Поставь ящик туда, за круг, да осторожнее, не задень линий, – приказал граф.

В ящике лежала металлическая, в рост человека фигура. Руки и ноги оказались снабжены искусно сделанными шарнирами, позволявшими им сгибаться, лицо заменяла тонкой работы расписанная фаянсовая маска.

– Батюшки, ваша светлость, так это же вы, – ахнул Михаил, переводя взгляд с маски на оригинал.

Старик довольно усмехнулся.

– Ты долго и верно служил мне и заслуживаешь награды, но сейчас должен помочь в очень важном, возможно, самом важном из моих опытов. Я стар, и тело мое одряхлело, – граф

---

⁴ Lemegeton Clavicula Salomonis – «Малый Ключ Соломона», магический трактат по демонологии.

резко взмахнул рукой, прервав заверения Михаила, что господину еще сто лет жить, и продолжил: – Мне нужно новое, более совершенное тело, и вот, посмотри, оно совершенно, оно не боится ни огня, ни железа, ни старости. Дело за малым, перенести туда мой разум, мой дух, душу, если угодно.

– Батюшка граф, Яков Вилимович, – ноги у слуги подкосились, – да разве можно такое?! Только в Господней воле вложить душу в тело! А тут – болван железный!

– Пустое, Господь здесь ни при чем, и думаю, он не станет возражать, а я не буду беспокоить его понапрасну, – уверенно возразил граф. – Без сомнения, сей опыт окажется успешен.

Старик поднял массивную стальную пластину, закрывавшую грудь статуи. Под ней обнаружилась скважина с небольшим ключом в ней.

– Поутру ты должен прийти сюда и повернуть этот ключ семь раз вправо, – продолжил граф. – Даже когда мой дух окажется в сем теле, необходим, так сказать, первичный толчок, чтобы оно ожило. Ты ведь и вправду хочешь, чтобы я здравствовал сто лет? – И он испытующе посмотрел на слугу.

Под пристальным, внимательным взглядом не по-старчески ярких глаз высокий бородач как будто даже уменьшился ростом.

– Ваша светлость, не губите душу свою, – начал он жалобно, но осекся, видя, как глаза господина наливаются гневом. – Все сделаю, все исполню. – Он истово перекрестился.

– Знай, – спокойно продолжал граф, – я делаю не для себя, но для державы Российской, она нуждается в моих знаниях, в моем опыте. Чтобы не погибло дело великого государя нашего Петра, ведь немало таких, кто спит и видит, чтобы вернуть все, как было. Отменить его порядки, закрыть школы, вернуть Россию на старый путь. Поклянись, что сделаешь, как я велю.

После клятвы граф улыбнулся.

– Я намерен войти в новую жизнь в надлежащем виде, а ну-ка неси мой лучший камзол и парадную шпагу.

Когда истукан был соответствующим образом наряжен, граф придирчиво его осмотрел.

– Вот погляди, достойный образ мой! На шее – орден апостола Андрея Первозванного за заслуги перед отечеством, Петром Великим мне дарованный, шпага на боку, ведь я немало воевал за него, да! Фигура сия – искуснейший плод научных знаний и умений, ведь я весьма учен.

Он еще раз оглядел истукана и, взяв с одного из столов толстую тетрадь, вложил ее в металлическую руку, словно добавил последний штрих.

– А вот величайшее творение мое! Календарь, вместилище знаний тайных, что несведущие люди колдовством называют.

Михаил знал, что хозяин иной раз любит поговорить, и ему нравилось слушать его ученые речи, стараясь почерпнуть из них капельку мудрости и для себя, но сейчас его про-

шибал холодный пот при мысли о том, что граф собирается сделать. «Великий грех! Как быть, погубить душу свою или предать графа?» Он сиротой был взят в дом его светлости и не видел от хозяина ничего, кроме добра. Старался верно служить ему, экономно управлял помещьем, но способен ли он на такое неслыханное дело, попирающее не только человеческие, но и божеские законы?

Занятый каждый своими мыслями, ни граф, ни слуга не заметили, как почти невидимая в темноте женская фигура остановилась у входа в лабораторию, внимательно прислушиваясь к словам графа.

Оставшись один, старик достал из шкафчика исчерченные непонятными узорами свечи, зажег их и установил по углам причудливой звезды, начерченной на полу. Воздев руки вверх, он начал читать заклинание, медленно и тщательно выговаривая слова.

При первых звуках заклинания дом застонал, заворочался, маски на стенах изменили свое выражение – грусть сменялась яростью, радость – издевательским хохотом. Воздух вокруг дома сгустился, как будто отгораживая его от остального мира, изо всех углов, из темных коридоров слышались странные голоса, пугающие и притягательные одновременно. Под странными углами изогнулись лестницы, ведущие, казалось, в никуда. А в центре звезды оказалась странная фигура. Она напоминала сгусток мрака, клубок непроглядно темного дыма.

Граф близоручко прищурился, и ему показалось, что в глубине странного создания он видит всполохи яростного пламени, слышит истошный вой тысяч сгорающих заживо людей. От фигуры отделились дымные щупальца, потянулись к краям звезды и отдернулись, как будто обожженные. Наваждение пропало.

– Нечистый дух! – сказал граф твердо. – Я призвал тебя сюда, чтобы ты исполнил мое желание. Иначе ты навсегда останешься здесь и будешь жестоко страдать.

Откуда-то из бесконечного далека до него донесся шипящий, полный ненависти голос:

– Я слуш-ш-шаю твою волю.

– Я желаю, – начал граф. Он тщательно и подробно изложил, чего хочет, оговорил условия, чтобы разгневанный демон не смог, освободившись, напасть на него или его близким. – А теперь, – закончил он, – перенеси мою душу в сие прекрасное местечко, и он простер руку в направлении истукана.

Беззвучный удар сотряс комнату. Со звоном лопнули реторты. Ветер, неизвестно откуда взявшийся под землей, рванул пламя свечей, сбросил со стола бумаги. Граф, покачнувшись, упал навзничь, а тетрадь выпала из металлической руки истукана и зашелестела страницами.

– Ты! Обманул! Меня! – разнесся по комнате полный отчаянья голос. – Я велел тебе переместить меня в статую.

– Отнюдь! – второй собеседник хихикнул. – Недавно, ко-

гда я совершенно случайно пробежал мимо, я слышал, как ты назвал эту тетрадь вместилищем. Так что *de jure*⁵ я выполнил твою волю и теперь свободен. Наслаждайся своей вечностью. – И темная фигура исчезла из центра звезды.

Наутро Михаил, бледный как смерть, прокрался в лабораторию. Вздрогнул, увидев лежащее тело, но все же подошел к статуе, быстро перекрестился, семь раз повернул ключ и выжидательно уставился на ее расписное лицо.

Прошел час и другой. Луч солнца проскользнул через потайное отверстие и осветил лежащую на полу тетрадь, чьи страницы покрывали причудливые фигуры.

– Ах ваша светлость, да смилуется Господь над вашей душой, – вздохнул слуга и, подойдя к лежащему на полу телу, закрыл мертвецу глаза.

Поздно ночью он вывез железную статую за пределы усадьбы и похоронил ее на кладбище церкви села Пречистое. Предстояли важные дела, следовало немедленно известить власти о кончине его светлости, графа и генерал-фельдмаршала, ученейшего Якова Вилимовича Брюса.

---

⁵ *De jure* – по закону, употребляется также в значении буквально, дословно (лат.).

Глава 1

Господа игроки

В маленькой церквушке было темно и пусто. Одета в черное старуха дремала над свечным ящиком и даже тихонько всхрапывала при этом, не потревоженная единственной в этот час посетительницей храма.

Молодая девушка с забранными под тонкий шарф темными волосами стояла у иконы, держа толстую свечу, и шептала что-то – может, молилась, может, исповедовалась.

Ян наблюдал за ней, укрывшись в полумраке притвора ⁶. Он видел, как девушка приблизилась к распятию, под которым располагалось место для возжигания поминальных свечей, поставила свою свечу и перекрестилась. Ян не слышал ее слов, но точно знал, о ком молится темноволосая. Девушка склонила голову и повернулась к выходу, а Ян поспешно выскользнул в полуоткрытую дверь. Еще не хватало, чтобы Александра заметила, что он за ней следит.

Его щеки мягко, словно девичья ладонь, коснулся ветер.

Ян поднял голову к бледно-серому небу, расчерченному еще голыми, не оправившимися после зимы, ветвями деревьев, и подумал о той, за кого молилась Александра.

Он не мог молиться, у него были свои, особые, методы, а

---

⁶ Притвор – помещение, через которое осуществляется вход в церковь.

потому Ян зажмурился, раскинул руки, приноравливаясь к ветру и чувствуя, как и сам какой-то частью сознания становится одной из ветреных тугих струй – свободным, не знающим препятствий.

«Лиза», – позвал он и снова почувствовал ласковое прикосновение к щеке.

Лиза уже не стояла за спиной сестры мрачной тенью и не была в том мире, где палит солнце и вечный штиль, откуда, казалось бы, нет выхода, но где ему, Яну, довелось побывать однажды... Лиза простила свою сестру. Это было настоящим чудом, и взамен она получила великий дар – свободу. Ян необычайно остро ощущал, что это именно так. «Забавно, – подумал он, – прощая, мы больше делаем для себя, чем для кого бы то ни было...»

Ян медленно опустил руки и открыл глаза.

Прямо перед ним стояла Саша.

Ее красивое, немного бледное лицо, как всегда, казалось застывшим, а ведь что Ян только не делал, чтобы хоть немного расшевелить ее, чтобы растопить этот арктический вечный лед. Неужели тщетно? Неужели Александра так и не изменилась?

– Ты следил за мной? – спросила она, глядя в лицо парню. Он едва заметно вздохнул.

– Присматривал. Назовем это «присматривал». Легче вовремя приглядеть за тобой, чем потом извлекать из какого-нибудь особенно неприятного места, – сказал Ян. Он

мгновенно взял себя в руки и, как и прежде, казался насмешливым.

Саша рассеянно заправила за ухо потревоженную ветром прядку волос.

– Я... – она замялась.

При ее многолетней привычке молчать, не рассказывать о своих проблемах, а лучше и вовсе не думать о них, говорить откровенно было очень тяжело, почти неподъемно. Ян прекрасно это понимал. Понимал, потому что и сам был в точности таким. Вот ведь встретились два одиночества – дурацкая присказка, хуже и не придумаешь.

– Я знаю. Она теперь свободна, – сказал он, отводя взгляд от лица девушки.

Саша кивнула, и они медленно двинулись по колдобистой улице по направлению к парковке, где остались ее мотоцикл и его скутер.

Дорога была безлюдна. Этот маленький городок неподалеку от школы, в которой они учились, казался застывшим и пустым. Как и единственная на всю округу церквушка.

– Ян, – сказала Александра тихо, – как ты думаешь, почему она... почему она меня все-таки простила?

Девушка замолчала, закусив губу, словно сказала слишком много, непозволительно много.

– Потому что ты ее сестра, потому что она все-таки, несмотря ни на что, тебя любила, – ответил Ян. Чтобы не смущать свою собеседницу, он больше не смотрел на нее,

установившись на весеннюю черную грязь под ногами. — Она натворила много глупостей, но не со зла, а из желания жить. Знаешь, когда мы пытались тебя вернуть, она сопротивлялась до последнего и пыталась бежать, а потом вдруг поняла что-то и смирилась. Я боялся, что обмен может пойти не так, но Лиза сама пошла тебе навстречу.

— Я очень перед ней виновата, — произнесла Саша глухо.

— Это так, — подтвердил Ян, — но пусть это осознание вины не будет негативным тяжелым чувством, которое не поможет ни ей, уже совершенно свободной, ни тебе. Теперь ты должна жить — и за себя, и за нее. То, что выжила именно ты, означает, что ты нужна в этом мире, что твоя задача еще не выполнена. Понимаешь?

— Понимаю...

Они дошли до парковки.

— Ну что, по коням? — предложил Ян уже совершенно другим тоном. — Вперед, нас ждут великие открытия!..

— Спасибо тебе. — Прохладная девичья рука опустилась на его руку, лежащую на руле черно-желтого скутера, и Ян едва заметно вздрогнул, словно его пронзил разряд тока.

Парень хотел что-то сказать, но Александра уже отдернула пальцы и шла теперь к своему мотоциклу, припаркованному чуть дальше.

Ян проводил ее задумчивым взглядом и включил зажигание. И вправду, пора ехать, пока в школе не забеспокоились из-за их отсутствия.

Евгений Михайлович, директор школы и куратор небольшой группы подростков, занимающихся поисками артефактов, при формулировании нового задания был строг.

«Надеюсь, в этот раз вы справитесь», – сказал он, намекая на прошлую неудачу.

Ян, слушая его, лишь усмехнулся. Сам он вовсе не считал неудачей то, что они не притащили из Китежа чудесную икону святой Софии. Парень достаточно насмотрелся на святыню и хорошо помнил, что она сделала с его друзьями, чтобы понимать: выносить этот артефакт в наш мир нельзя. Ни в коем случае. Некоторые артефакты лучше не брать – и точка. Магия – не игра, особенно такая, действующая на подсознание. Да, вокруг иконы формируется некий идеальный мир, мир добра и справедливости – так, как понимает это странная сущность, именуемая святой Софией, но похожая на представителя языческих, очень древних сил. Солнце бывает согревающим, а бывает – сжигающим. Так вот, святая София как раз из этого разряда. Из разряда такого добра, которое, если побеждает, оказывается гораздо хуже любого зла. Александра оказалась права.

Он покосился в сторону сидевшей в кресле девушки. Она казалась холодной и, как всегда, отстраненной. Очень красивая, с четким профилем, какие выбивали на античных ка-

мехах. Почувствовав взгляд, Александра оглянулась на Яна, и на ее губах промелькнула теплая улыбка.

В последнее время между ними установились гораздо более теплые отношения, чем в начале знакомства. Впрочем, если сравнивать с периодом начала знакомства, и антарктический лед показался бы теплее.

– Ян, что ты думаешь об этом? – спросил тем временем Евгений Михайлович, адресуясь непосредственно к нему.

Неудивительно. Именно Ян отвечал в их патриотической группе, носящей название «Русичи», за ту мистическую область, что получила название магии.

Ян молчал. Он запустил пятерню в длинную асимметричную челку, закрывавшую добрую половину его лица, оглядел своих новых друзей: серьезного аккуратиста Глеба, влюбленного в рыжую романтическую художницу Ольгу; уже прыгающую от нетерпения и желания бежать куда-то Динку, самую младшую из группы, сдержанного до поры до времени Северина с пронзительно-яркими синими глазами, спокойствие которого было обманчиво. Парень снова взглянул на Сашу и наконец перевел взгляд на Евгения Михайловича – подтянутого мужчину уже в возрасте, казавшегося отставным полковником спецслужб (впрочем, Ян знал, что так оно и было).

– О Якове Брюсе ходит множество слухов, – наконец заговорил парень. – Конечно, я слышал об этой грандиозной личности. Но мне кажется, он не был магом или алхимиком в чистом виде. Скорее гениальный механик, ученый, исследова-

тель. То, что в его библиотеке содержались тома, посвященные оккультным знаниям, еще ничего не значит. В те времена это было обычным явлением для любого книжного коллекционера, и тем более ученого. Тогда еще не представлялось возможным разграничить медицину, химию, биологию и магию. Любой успех казался чудом, а люди верили в первоэлементы...

– В общем, ты не веришь в то, что так называемый Брюсов календарь обладает силой и является артефактом? – перебил его директор, чуть заметно сдвинув брови.

– А вот этого я не говорил! – живо откликнулся Ян. – Артефактом может стать что угодно.

– К чему же тогда...

– Ну вы спросили мое мнение, я не знал, что сказать, поэтому и стал болтать первое, что придет в голову. Сами подумайте, если бы я молчал, то показался бы дураком и мог бы опозориться перед девушками!

Даже Александра едва заметно улыбнулась, а Динка и вовсе захихикала.

– Горбатого только могила исправит, – пробормотал Глеб, не удостоив Яна взглядом.

– А вот это антинаучно! Искривление позвоночника вовсе не исправляется могилой, – подлил масла в огонь Ян. – Хотя ты, конечно, о другом... Но и в этом случае не все плохие черты изживаются могилой. То есть не во всех случаях. Ты, конечно, слышал о тех, кому не помеха и смерть, – сказал

он зловещим хриплым голосом. — О тех, кто встает из своих могил, причем становясь еще более ужасным, еще более мерзким, чем при жизни...

Динка снова захихикала.

— Тебе это не угрожает, — сухо заметил Глеб. — В данном случае совершенство уже достигнуто, хуже быть и не может.

— Если у человека не развито воображение, он ставит себе пределы и не способен на открытия, — сказал Ян, словно бы никуда не обращаясь, в пространство.

— Довольно. — Евгений Михайлович, молча наблюдавший за учениками некоторое время, покачал головой.

Лицо директора оставалось спокойным, но по стальному блеску серых внимательных глаз и чуть сдвинутым бровям становилось понятно, что шутить он вовсе не намерен и его терпению, кажется, пришел конец.

Спорщики замолкли.

Отношения между Глебом и Яном изначально сложились довольно напряженными, но за последние месяцы они даже ухудшились. Дело было в Ольге. Той самой рыжей художнице, в которую влюбился Глеб. Яну удалось спасти ее, и теперь девушка питала к нему искреннюю привязанность. Впрочем, Ян не сомневался, что Глеб ополчился на него вовсе не из-за этого. Глеб, такой идеальный, такой правильный, не терпит иронии и несерьезного отношения к святому делу. О, ему бы флаг в руки, и можно было бы еще поспорить, кто выстоит: Глеб или прущий ему навстречу поезд. Во всяком случае,

Ян бы на это посмотрел. Со стороны. Но, самое главное, Ян точно знал, что Глеб считает предателем именно его.

С некоторых пор стало очевидно, что некто из числа близких к группе людей, а скорее всего, даже из числа самих «русичей» сливает информацию соперникам, ведущим безжалостную войну за артефакты. И, конечно, первым претендентом на титул предателя становился он, чужак. Ян даже в чем-то понимал Глеба. Гораздо проще подозревать во всех грехах новичка, к тому же крайне несимпатичного тебе лично, чем одного из товарищей, ставших для не знающего родителей Глеба единственной настоящей семьей. Это было бы так приятно и складно, если бы негодяем и предателем оказался именно Ян. Имелась только одна заковырочка: Ян точно знал, что это не так.

– Простите, – Глеб обращался к директору, а не к Яну. – Больше такого не повторится.

– Я надеюсь, – ответил Евгений Михайлович. И вышел из комнаты, не сказав больше ни слова.

– Может, вам подраться? – предложила Динка, переводя взгляд с Яна на Глеба.

Предложение было не лишено смысла: нет лучшего способа выпустить пар, чем хорошая драка, но в данном случае это просто не работало.

Глеб даже едва заметно поморщился, всем видом демонстрируя, что не станет марать руки о такого слабого и недостойного противника, как Ян. Они действительно были в

разных весовых категориях. Глеб – хоть и очень стройный, поджарый, зато натренированный, состоящий из одних мускулов, Ян – астенического типа ⁷, очень худой и беспросветно отстающий на обязательных в школе спортивных тренировках. В общем, уж никак не ровня.

Александра поднялась со своего кресла и, подойдя к Глебу, едва заметно качнула головой. Ей не требовались слова, чтобы выразить осуждение и вместе с тем напомнить, что связывает их общее дело, а значит, подобные разборки не только бесполезны, но и вредны.

– Пойду полистаю материалы. – Глеб тоже поднялся. – И надо будет на днях съездить в бывшую усадьбу Якова Брюса, в Глинки. Кажется, сейчас там какой-то санаторий. Я забронирую комнаты?

Никто не возразил.

Александра нашла его в библиотеке, где Ян копался на полке со старинными фолиантами, пахнущими пылью и кожей. В их школьной библиотеке порой можно было найти удивительные тома, сделавшие бы честь любому среднему, а то и крупному музею. Редкие, в том числе уникальные издания, собранные со всех концов света, стояли плотными рядами, напоминающими воинские шеренги, на высоких дубовых стеллажах.

В библиотеке всегда царил полумрак, и, забравшись в мас-

---

⁷ Астенический тип – физически слабый (*греч.*).

сивное кресло с деревянными ручками в виде львиных морд и высокой прямой спинкой, можно было ощутить себя в прошлом, отгороженным ото всего мира. Неудивительно, что библиотека полюбила Яну с первого же взгляда.

Правда, остаться одному ему удавалось здесь редко: это было царство Александры. Вначале девушку злило, что в ее исконные владения вторгся чужак, тем более чужак неприятный, раздражающий... Но затем, после того как они вместе побывали за гранью смерти, отношения коренным образом изменились. Нет, нежной дружбы, конечно, не получилось. До этого было, пожалуй, еще дальше, чем до Солнца, однако, кажется, Саша стала понемногу его понимать, вслушиваться не в слова, а в то, что стояло за ними. По крайней мере, Яну было приятно так думать. Там, у церкви, когда она положила свою руку поверх его, вдруг показалось, что у них действительно может что-то получиться...

– Ян, – окликнула его девушка.

Он оглянулся. Между ними в столбе неяркого света плясали миллиарды пылинок. Ян вдруг подумал, что это танцуют крохотные феи, живущие в пожелтевших старых фолиантах.

Саша стояла, облокотившись о стеллаж, и на фоне темного дерева ее рука казалась особенно белой и незащитно-тонкой.

– Да, – Ян прикрыл книгу и выжидающе посмотрел на девушку.

– Разве обязательно постоянно провоцировать Глеба? – спросила она тихо. – Вы же оба...

– Что? Мы оба – хорошие люди? О нет! – Ян рассмеялся. – Я вовсе не хороший, не обольщайся.

Александра покачала головой.

– Так и знал, что добро наказуемо! – Ян хмыкнул. – Ведь знал же, что репутация – вещь хрупкая и не нужно никого никогда спасать, чтобы, не дай бог, не прослыть хорошим человеком! Быть хорошим человеком – это кошмар! Сразу появляется столько проблем. Столько обязанностей, столько не нужных никому условностей! «Ты же хороший мальчик, а поэтому ты должен... одно, второе, пятое, десятое!...»

Девушка молчала.

– Ну что ты молчишь? Почему не пытаешься переубедить, перевоспитать меня? – не выдержал Ян.

– Я жду. – Александра развела руками. – Жду, когда тебе надоест носить эту маску. И все-таки постарайся не конфликтовать с Глебом. Вы нужны нам оба. Пожалуйста!

Она подчеркнула последнее слово и ушла.

Ян отложил книгу, чувствуя что-то наподобие досады – как будто в грудь напихали колючего чертополоха. Этот умища Глеб для него – как для быка красная тряпка. Лидер, спец в области истории, большой аккуратист, фактически готовый мистер Совершенство. До чего же противно – аж скулы сводит.

Ян подошел к окну, выглянув из-за тяжелых темно-виш-

невых бархатных портьер на улицу.

За окном лежал школьный сад, еще едва подернутый зыбкой майской зеленью. Небо было сумрачным, того унылого серого оттенка, который способен повергнуть в меланхолию даже закоренелого оптимиста. Хорошо хоть дождя пока нет. Скучно, серо, пусто...

– Что бы такого сделать плохого... – пробормотал Ян, постукивая пальцами по стеклу. И вдруг застыл, пораженный простой и очевидной мыслью, отчего-то не приходившей ему в голову до этого.

Парень вытащил из кармана неизменных черных джинсов черный смартфон, украшенный паутиной и маленькими черными паучками, и нажал вызов.

– Ян! – тут же радостно откликнулся мелодичный девичий голос. – Давно не было тебя слышно!

– Взаимно, – парень не собирался разводить сантиментов и сразу перешел к делу: – Мне нужно, чтобы ты приехала в санаторий «Монино». Это недалеко от Москвы, спросишь у «Яндекса».

– Нужно?... – В голосе его собеседницы послышалась растерянность. – Ну хорошо, я приеду, только я сейчас не в Москве, ты знаешь...

– Бери билет и приезжай. Приедешь?

– Да, конечно...

– Тогда до встречи, красотка!

– До встречи, – послушно откликнулась девушка.

Ян нажал на отбой. Настроение его значительно улучшилось, он даже принялся насвистывать какой-то веселый мотивчик. Если все получится по плану, результаты могут быть самыми интересными. На это стоит посмотреть. В любом случае стоит!

* * *

На подготовку к путешествию ушло еще несколько дней. Были забронированы номера в старой усадьбе Якова Брюса. К сожалению, основное здание – то, где жил легендарный ученый и чернокнижник, – оказалось закрыто, однако возможность поселиться всего в двух шагах от него уже дорогого стоила.

Ян собирался в дорогу основательно. Он сделал массу выписок из драгоценных томов библиотеки, сожалея, что не может взять с собой все книги (Евгений Михайлович вообще почему-то был против, чтобы они покидали пределы школы), заготовил расходники на все возможные случаи, кажется, включая даже нашествие зомби, еще раз проглядел материалы, связанные с личностью петровского сподвижника, но не слишком закапывался в историю – все необходимые сведения легче получить у Глеба или у Александры. Кстати, когда доходило до дела, на Глеба можно было положиться – он как раз из тех самых хороших парней, что умеют ставить общее над личным. Яну нравилась эта черта, особенно

в других. Сам парень жертвовать собственными интересами ради кого-либо не собирался.

Отбыли, как всегда, на собственных транспортных средствах. Ребята – на мотоциклах, каждый на своем, кроме Динки, традиционно пристраивавшейся за спиной Глеба, но теперь неожиданно попросившейся к Северину. Ян мотоциклы презирал. У него самого имелась его Ласточка – черно-желтый скутер, повидавший уже немало дорог и сроднившийся с хозяином. Тем более Ян немного поработал над усовершенствованием Ласточки, добавив ей мощности как техническими, так и нетехническими средствами.

– Да здравствует мракобесие и джаз, – пробормотал парень, занимая свое место в колонне.

Директор стоял на крыльце школы и смотрел на них с видом доброго папаши, провожающего неразумных деток на учебу.

– Удачи! И держите меня в курсе, – попросил Евгений Михайлович. – Помните, что наши противники еще не пойманы, а поэтому представляют серьезную опасность. Немедленно сообщайте мне, если заметите кого-то подозрительного. Я, со своей стороны, тоже прослежу... Будьте очень осторожны!

Ян хмыкнул. Ну конечно, добрый папаша намерен придерживать поводок и самолично наблюдать, не собирается ли кто-то обидеть его птенчиков.

– К великим магам это тоже относится, – добавил дирек-

тор, многозначительно поглядывая в сторону Яна.

Динка хихикнула. А как же, весело.

– Великие маги будут суперосторожны! – пообещал Ян, на всякий случай скрестив на заведенной за спину руке пальцы – прекрасный способ врать, не навлекая на себя последствий. Настоящий маг осторожен со словами, а тем более с обещаниями, но в данном случае лучше не спорить.

Глава 2

Хозяйка желтого флигеля

Санаторий «Монино», находящийся в бывшей усадьбе Якова Брюса Глинки, окружала металлическая ограда, и было видно, что когда-то он знал лучшие времена. Теперь штукатурка облупилась, аллеи выглядели запущенными, а от большого здания с оптимистичным названием «Клуб» тянуло неприкрытой тоской.

Администраторша, уже давно разменявшая пятый десяток, через большие очки, делавшие ее похожей на черепаху Тортиллу, долго разглядывала прибывших.

– Значит, хотите у нас поселиться? – переспросила она так недоверчиво, что становилось ясно: прибытие компании молодежи явление здесь крайне редкое.

– Хотим! – Глеб широко улыбнулся.

Тетка потерела очки, покачала головой.

– У нас здесь с порядком строго, – суровым голосом продолжила она. – Если будете правила общественного поведения нарушать...

– А что такое общественное поведение? – спросила Динка у Северина и тут же была награждена колючим взглядом Тортиллы.

– Не переживайте. Мы вовсе не собираемся устраивать

здесь пьянки или иным образом нарушать... правила общественного поведения, – заверил Глеб все так же вежливо и дружелюбно. – Мы как раз приехали сюда, чтобы без помех, в покое позаниматься... У вас же здесь, должно быть, тихо?

Администраторша кивнула. Похоже, обаяние Глеба наконец подействовало даже на нее.

– Тихо. У нас в основном пенсионеры бывают и мамыши с детьми. И то больше летом, а сейчас почти никого...

– Вот и отлично! Так что, оформляете нас? – Глеб ненавязчиво пододвинул документы поближе к Тортилле, и та, тяжело вздохнув, словно ей предстояла тяжелая работа, принялась заполнять какие-то бумажки.

– Но смотрите: дважды предупреждать не буду, – вернулась к волнующему ее вопросу регистраторша, когда с бумажными делами было наконец покончено. – Если на вас поступят жалобы...

– Ну что вы?! – Глеб посмотрел на нее так укоризненно, что Тортилла смутилась и затеребила ворот синей вытянутой кофточки.

Процедура завершилась, и еще раз выслушав указание, как пройти в свой корпус и как попасть в столовую – кстати, она оказалась в том самом здании «клуба», «русичи» выбрались из административного корпуса.

– Уф! – вздохнула Динка. – Какая вредная тетка! Кажется, она подозревала нас в чем-то нехорошем!

– А мы всего-то хотели незаконно проникнуть в покои

Брюса и изъять оттуда особо ценный артефакт, – заметил Ян.

Поспорить с ним было трудно, видимо, поэтому все промолчали.

Компания подошла к небольшому желтому флигелю, где ребятам и предстояло жить ближайшие дни, и вдруг, когда Глеб уже взялся за ручку, чтобы открыть дверь, она распахнулась, и на пороге появилась девушка.

На вид ей было лет восемнадцать – максимум двадцать. Аккуратное личико с чуть пухлыми щечками и маленьким подбородком с кокетливой ямочкой казалось таким свежим, что невольно напрашивалось банальное сравнение с едва распустившейся розой. Голубые глаза сверкали лукавством, а светлые кучерявые волосы были собраны в пучок, откуда выбилось несколько непослушных прядок, игриво обрамлявших ее хорошенькое личико.

Одета незнакомка была в белую кофточку с пышными рукавами, длинную полосатую юбку и белый передничик.

Она казалась такой милой, словно была ожившей фарфоровой статуэткой, а вовсе не современной девушкой.

– Здравствуйте! – голубоглазка улыбнулась. – Вы, наверное, наши гости!

– Здравствуйте... – Глеб оглянулся на друзей, и Ян с ехидством подумал, что наконец и этот нордический герой выглядит несколько растерянным. – Да, мы только что получили право проживать некоторое время в этом Эдеме. А вы, простите...

– Мария, – старомодно представилась девушка, но тут же поправилась: – Можете называть меня Машей. Я здесь работаю... помогаю по хозяйству... Ой, а что же вы на улице стоите? Проходите, я покажу вам ваши комнаты.

* * *

Девушка была очень красивой. Саше потребовался всего один взгляд, чтобы оценить нежное задорное лицо, хрупкую фигуру и присущую так называемой помощнице по хозяйству кокетливую манеру держаться. А еще от нее пахло розами – ненавязчивый и в то же время притягательный, будоражащий аромат. Александра покосилась на Северина. По тому, как трепетали его ноздри, становилось понятно, что парень тоже его почувствовал. «Моноаромат, и не из дешевых, – отметила девушка. – Ничего себе помощница по хозяйству в каком-то полузабытом богом санатории!..»

Мария, как манерно представилась незнакомка, Александ্রে сразу не понравилась. Было в ней что-то ненастоящее, нарочитое. Вся она казалась слишком сладкой, как переслащенный крем, да еще и для верности щедро приправленный взбитыми сливками.

Однако парни, похоже, повелись на приманку. И Северин, заинтригованный запахом, и Ян, и даже Глеб.

Мария проводила гостей в комнаты – весьма, кстати, посредственные, с потрепанной мебелью и засалившимися по-

лувылинявшими обоями в цветочек.

– Это замечательное место. Знали бы вы, как красиво здесь было когда-то, – вздохнула помощница по хозяйству, заметив, что взгляды приезжих отражают что угодно, только не восхищение.

– А вы откуда знаете, как здесь было? – спросила Саша. Получилось недоверчиво и даже враждебно, но Мария словно не заметила грубости гостыи.

– Я увлекаюсь историей, – охотно пояснила она, – меня всегда притягивала личность легендарного ученого, человека энциклопедических знаний графа Якова Вилимовича Брюса, а ведь все это когда-то принадлежало ему... Вы, наверное, и не знали...

– Знали, – поспешно откликнулся Глеб, явно не желая упасть в глазах прекрасной работницы-эрудитки.

– Вы расскажете нам о графе? Мы тоже интересуемся историей, тем более когда ее излагает такая красивая девушка. – Ян встал по другую сторону от Марии, напротив Глеба.

Ребята кружились вокруг девицы, словно пчелы вокруг цветка.

Александра почувствовала досаду и разозлилась теперь уже на себя: неужели она способна на ревность? Надо взять себя в руки и для начала признать, что все ее предубеждение против Марии вызвано именно этим низким чувством, на которое она не имеет никакого права прежде всего потому, что Глеб никогда не уделял ей самой никакого особенного

внимания. Откуда же это горькое раздражение?

– К сожалению, ничего особенного рассказать я не могу – все то же, что написано во всех справочных изданиях, – отвечала тем временем Мария, – но, если вам интересно, с удовольствием сделаю это.

– Конечно, интересно, – приосанился Ян.

Даже Динка поддержала идею, и хозяйка желтого флигеля, как тут же мысленно окрестила ее Александра, удалась, пообещав приступить к рассказу после ужина, управившись с текущими делами.

– Странно, что такая образованная и, судя по всему, неглупая девушка работает здесь кем-то вроде горничной, – все же озвучила свои сомнения Саша, когда Мария наконец ушла.

– Может быть, ей требуется уединение. Скажем, для написания научной работы, – тут же предложил обоснование Глеб.

– Может, и так, – согласилась Саша, решив больше не вступать с неуместными вопросами.

* * *

Они разошлись по своим комнатам. Глеб с Северином, как и Александра с Динкой, поселились вместе, зато Яну достался одноместный номер.

«У дурного характера и плохой репутации есть очевид-

ные плюсы», — решил парень, заваливаясь на кровать прямо в кроссовках и куртке.

Основная работа предстояла ночью, сейчас же можно было просто отдохнуть и набраться сил перед предстоящей вылазкой, поэтому Ян расслабился и закрыл глаза.

Он сам не заметил, как заснул.

Тем временем в комнате стало темно — так темно, как не бывает обычным, пусть и хмурым, майским днем. Где-то далеко, но неожиданно отчетливо послышался бой часов. Казалось, часы силятся что-то сказать...

Тик-так,
Грянул мрак... —

доносилось сквозь тревожный отчаянный перезвон.

В комнате заскользили тени — они были чернее самого мрака, словно появились из самых глубинных бездн ада.

— Ты пришел... Ты откликнулся на зов... — донесся до Яна зловеший шепот, исходящий сразу из всех углов.

— Я пришел, — подтвердил Ян без обычной насмешливости.

Он был серьезен, так как прекрасно чувствовал: с теми силами, что вступили сейчас в игру, шутить невозможно. По крайней мере, подобные попытки заканчивались весьма плачевно, и не один из шутников горько пожалел о своем былом веселье.

– Твое сердце для меня – открытая книга, – продолжал все тот же вселяющий ледяной ужас голос. – Ты ищешь великих знаний, ты хочешь возвыситься над людьми – и ты получишь все это.

– Но как? Чего ты захочешь взамен? – спросил Ян, приподнимаясь на кровати.

Он уже не впервые ощущал прикосновение древней магии, но, пожалуй, еще никогда ему не было так страшно.

– Ты узнаешь... Ты все узнаешь в нужный момент. Жди... Голос все угасал и угасал и вот наконец совершенно растворился во тьме, словно поглощенный ею.

Ян вздрогнул, пошевелился и проснулся.

В номере уже сгущались легкие сумерки, на часах было восемь – еще детское, в сущности, время, даже на ужин можно успеть.

Тот голос, который говорил с ним... все, что Ян успел увидеть, легко можно было бы счесть пустым сном. Однако Ян знал, что это вовсе не так. Ему сделали конкретное предложение, и такими предложениями, мягко говоря, не разбрасываются. Но предстояло еще во всем разобраться и весьма хорошо подумать.

«Дьявол в деталях», – пробормотал парень, плеская в лицо холодную воду.

Старое зеркало отразило бледное, немного осунувшееся лицо, полузанавешенное длинной, слипшейся от воды сосульками челкой.

– Красавец. – Ян отвернулся от зеркала.

После ужина ребята устроились на одной из лавочек перед главным зданием, увенчанным маленькой деревянной башенкой, в которой когда-то располагалась обсерватория ученого.

– Интересно, где Мария? – Глеб нетерпеливо взглянул на часы.

– Я уже здесь! – Она стояла позади них и улыбалась. На этот раз одежда на девушке была самая обычная – джинсы и свободная футболка того приятного розового оттенка, который обычно называют «пепел роз». В прежнем наряде называть девушку иначе, чем Марией, казалось невозможным, теперь она стала проще, как-то ближе. Прекрасная Мария сменилась Машей, и красота ее не исчезла, а, как по волшебству, стала немного иной. Сказать, что Маша красива, – это еще ничего не сказать! Ян с любопытством перевел взгляд на Глеба. Бросалось в глаза, что парень заинтригован. Наверное, любвеобильность у князей в крови. «Бедная Ольга», – подумал Ян и хмыкнул.

Впрочем, все пока шло весьма неплохо, и Яна полностью устраивал расклад, насколько он его видел.

Тем временем девушка села на лавку и тоже посмотрела в сторону усадьбы.

– Он был очень умным человеком, – вдруг заговорила Маша, не отрывая взгляда от пустых окон верхнего этажа. –

Долгое время занимался самостоятельно, свободно владел шестью иностранными языками, до самой смерти живо интересовался всем на свете. Подобный пытливый ум рождается, наверное, раз в тысячелетие... Вы, наверное, знаете, что Яков Брюс – потомок шотландских королей. В нем текла древняя и могучая кровь. Отец Якова, Вилим, был нанят на московскую службу, и уже здесь, в России, у него появилось двое сыновей – Роман и Яков. Яков, по примеру отца, начал свою карьеру как военный и занимался артиллерией. В то время военное искусство уже подразумевало овладение многими науками. Он был ближайшим сторонником Петра Первого, и говорят, что гневливый царь ни разу не поднял руку на Якова.

– Оттуда и поползли слухи, будто Яков Брюс – колдун, знающий слова, способные укротить царский гнев, – вмешался Глеб.

– Да, правильно, – Маша ласково взглянула на него и вновь устремила взгляд на пустые темные окна. – В составе Великого посольства Яков Вилимович провел в Англии полтора года, не только нанимая для государя иностранных специалистов и закупая всякие технические приборы, но и усердно повышая собственный уровень образования. Царь всегда доверял ему и считал главным в России научным авторитетом. Не было такого занятия, которое не удалось бы Якову Брюсу. В его руках оживал металл, он постоянно что-то конструировал – то новую подзорную трубу, то удивитель-

ные увеличительные очки. В этом человеке действительно присутствовала божья искра... Ах, знали бы вы, каким чудесным мастером он был, как много знал, с какой легкостью постигал науки! Сейчас таких людей уже нет...

Она говорила тихо и немного грустно, словно сожалея об ушедших временах, и это настроение невольно передалось слушателям.

Ян, завороженный рассказом, тоже смотрел на темные окна, представляя, что когда-то дом, вероятно, был полон слуг, там сутками кипела работа, а вон в той самой деревянной башенке по ночам все время горел свет...

И только Ян об этом подумал, как в темноте башни действительно вспыхнул неяркий огонек, словно кто-то зажег свечу или масляную лампу.

– Там кто-то есть? – спросил Ян замолчавшую рассказчицу.

Та взглянула удивленно.

– Где? В доме? Нет, конечно. Он давно пустует.

Свет уже погас, словно его и не было, но Яну все же казалось, что этот огонек зажигался неспроста.

– Хотя, знаете, – Маша таинственно понизила голос, – об этой усадьбе ходит множество слухов...

– Что-то зловещее и таинственное? – тут же выпалила Динка. По ее голосу становилось понятно – ей ужасно, до дрожи, интересно!

– Вот именно – зловещее и таинственное. Говорят, будто

иногда здесь пропадают люди, а еще, мол, в старой усадьбе живет ужасное чудовище – собака графа, и по ночам в темных коридорах можно услышать скрежет ее железных когтей.

– И ты слышала? – поинтересовался Глеб слегка напряженным голосом.

– Конечно нет, – Маша рассмеялась. – Все это – легенды. Думаю, у каждой старой усадьбы должны быть такие, в них добрая половина очарования... Ну и отдыхающим интереснее... Ну вот, мне, наверное, пора. – Девушка встала с лавки и обвела всю компанию взглядом. – Уже совсем темно, отдыхайте.

– А вы теперь в город? – спросил Глеб. – Может, вас подвезти?

– Нет, спасибо! Во-первых, не нужно – я живу здесь же, а во-вторых, пожалуйста, давайте перейдем на «ты», мне так привычнее.

Они попрощались, и Маша скрылась в темноте.

– Ну вот мы и на месте, – произнес Глеб, когда легкие шаги девушки затихли. – Думаю, надо тщательно осмотреться.

– А что осматриваться? – удивилась Динка. – Вон его дом, там и надо искать этот календарь.

– Не все так просто, но дом мы тоже осмотрим... потом... – По голосу было слышно, что Глеб улыбается. – А ты, Саша, как думаешь?

– Я тоже за то, чтобы осмотреться и не лезть так сразу, мы

же еще одного дня здесь не пробыли. И кстати... эта девушка, Маша, она какая-то странная... Мне кажется, она к нам присматривается. Вот с чего бы ей так легко и сразу идти на контакт?

– А ты бы сидела одна в такой глуши, небось сама бы с кем угодно на контакт пошла! – вступилась за девушку Динка. – А как вы думаете, призрак графской собаки с железными когтями действительно существует?

– Разберемся, – деловито отозвался Глеб. – Нельзя исключать эту вероятность после всего, что нам уже довелось увидеть, охотясь за артефактами... Но вряд ли опасность слишком велика – этот санаторий весьма преуспевал в советское время, здесь селили партийных функционеров, и если бы люди и вправду исчезали, провели бы серьезное расследование.

– Может, санаторий и пришел в упадок именно потому, что с ним что-то неладно, – предположила Александра. – Только что бы животному делать в доме? Большие собаки обычно живут во дворе.

– Вероятно, это был любимый монстр Брюса. – Динка заметно оживилась, вероятно, вновь ощущая себя внутри одной из своих любимых компьютерных игр. – Граф всегда держал его рядом и натравливал на неугодных посетителей.

Все помолчали. В парке клубилась темнота, не доносилось ни звука.

– А ты, Северин, что думаешь? – спросил Глеб.

– Духи у нее очень стойкие, – невпопад ответил парень, – она уже ушла, а розами пахнет так же сильно, как и раньше. Глеб поднялся.

– Пойдемте, завтра нормально оглядим округу, – предложил он. – Сейчас не время обсуждать наши планы.

То, что его мнением Глеб не поинтересовался, ничуть не удивило Яна.

Он тоже поднялся со скамьи и направился прочь от корпуса.

– Ян, ты куда? – окликнула его Александра.

– Прогуляться, – буркнул он, краем уха уловив, что Глеб что-то прошептал на ухо Саше.

Не нужно быть волшебником, чтобы догадаться: Глеб предложил поговорить в номере и без потенциального предателя, способного донести их планы до противостоящей группы.

Ян завернул за угол одного из корпусов и остановился, прислонившись спиной к стене. Как же ему надоели подобные предубеждения! Они преследовали его всю жизнь, с тех самых пор, как он осознал, что не похож на других, что обладает особыми способностями.

Когда Ян впервые заговорил об этом со своими сверстниками, те испугались, а испугавшись, принялись его высмеивать, маскируя смехом собственный страх.

В школе парня прозвали Вороной, с удивительной точностью угадав его излюбленный образ. Ворона, вернее, ворон

и вправду был любимой птицей Яна, именно этот облик он принимал, когда требовалось выйти из своего тела. Парень еще помнил то удивительное чувство, которое охватило его, когда это случилось впервые.

Ему был лет десять. В те дни он долго болел.

Однажды, в период кризиса, когда температура поднялась градусов до сорока, а может, и выше, Яну померещилось, что он вышел из тела и стал птицей. Вороном он облетел знакомый двор, наслаждаясь невиданной легкостью. Небо манило, обещало безграничный простор и свободу делать все, что угодно. Он мог бы не возвращаться, но вспомнил о доме, о маме – и вернулся.

В комнате сидел папа. Пощупав лоб сына, он кивнул головой.

– Ну вот, жар спал, – произнес он с облегчением, но тут же с искренней грустью добавил: – И почему ты растешь таким хлюпиком?... Да кому нужны эти таблетки? Нужно закаляться и владеть силой духа, понимаешь?

Справедливости ради, сам отец действительно обладал этой силой духа. Успешный бизнесмен, владеющий крупной транспортной фирмой, не слишком харизматичный, зато упертый, весьма сильный и бодрый в свои неполные сорок, он смотрел на тощего, несуразного сына со смесью удивления и безгливости.

«Иногда мне кажется, что ты не мой сын», – сказал отец однажды. Всего однажды, но Ян запомнил эти слова. Они

всегда звучали в его голове.

Тогда мальчик не смог ответить отцу, но сейчас он знал ответ.

– Я другой. Я тоже сильный, просто другой, – прошептал Ян.

Он медленно провел рукой по неровной штукатурке, возвращаясь в текущий миг, и вдруг понял, что уже не один.

Девушка шагнула из тьмы и остановилась прямо напротив него.

С минуту они неподвижно стояли друг напротив друга, как противники перед опасным поединком.

– Зачем все это? Чего ты хочешь? – спросила она, сжав рукой плечо Яна.

Ее рука оказалась неожиданно сильной и действительно, как и отмечал Северин, пахла розами.

Ян вздохнул.

– О чем ты, Маша? Я тебя не понимаю.

– Чего ты добиваешься? На чьей ты стороне? – настойчиво повторила она, встряхнув его.

– Ого! – Ян потер плечо. – Я, конечно, знаю, что неотразим, но, честно говоря, девушка впервые пытается добиться меня силой!..

– Ты... – Мария вдруг замолчала.

Неподалеку послышалось шуршание чьих-то шагов.

– Ян? Ты здесь? – окликнул его Сашин голос.

– Здесь! – подтвердил он, злорадно косясь на дознаватель-

ницу и жалея, что не может разглядеть в темноте разочарование на ее прекрасном лице.

Рука, сжимавшая плечо, разжалась. Маша исчезла так бесшумно, словно ее и не было.

– Ты вовремя, – усмехнулся Ян навстречу Александре.

Но та не обратила на эти слова внимания, девушка выглядела очень серьезной и сосредоточенной.

– Ян, я хотела с тобой поговорить, – сказала она, пытаясь в темноте все же взглянуть в его глаза. – Мне не нравятся твои отношения с Глебом. Между вами словно кошка пробежала.

Ага, вот именно. Рыжая кошка, так ее и можно назвать. Забавно.

– Я, конечно, сейчас скажу, что это – мое дело, – Ян отломил от куста веточку и принялся вертеть ее в руках. – А ты ответишь, что нет, потому что отношения в коллективе влияют на выполнение нашей миссии и все такое прочее.

Саша молчала.

– Почему ты такая правильная? Тебе не кажется, что пора уже сбросить эту оболочку и стать настоящей? Вспомни, какой ты была до того, как с твоей семьей случилось несчастье! – Теперь Ян наступал на нее, а она бессильно пятилась.

– Не знаю... Я стала другой, – голос Александры был едва слышим.

– Глупости! Просто позволь себе оттаять! – Он поймал ее тонкие пальцы, удивившись, какие они холодные.

– Я... я лучше пойду! – девушка отстранилась и вырвала руку.

Это не способ решать проблемы, но Яну вдруг стало безумно ее жалко. Она все еще корит себя за старую вину. Никто не накажет человека страшнее, чем накажет себя он сам.

– Саша, – негромко окликнул девушку Ян. – Я не хочу давить на тебя, у тебя есть время. Но, пожалуйста, подумай и прими себя такой, какая ты есть! Очень прошу! А с Глебом у нас все уладится, не волнуйся, мы оба слишком умны, чтобы натворить непоправимых дел.

Кажется, она кивнула, но утверждать это Ян не мог – уж слишком легко ошибиться в темноте.

Затем слышались легкие шаги. Александра ушла.

Глава 3

И снова девушка

– И ты считаешь, Яну можно доверять? – Глеб, нахмурившись, смотрел на Сашу.

Они собрались вчетвером в тесной комнате Глеба и Северина, чтобы еще раз обсудить дальнейшие планы.

– Я считаю, он не способен на предательство, – ответила девушка, не отводя взгляда.

Они сидели на узких, почти казарменного типа, кроватях друг напротив друга: девочки отдельно, мальчики отдельно.

– Это потому, что он тебя спас? – снова спросил Глеб.

Девушка поежилась. Глеб не мог знать, что именно она видела, когда находилась между жизнью и смертью, но эти воспоминания мгновенно изменили ее лицо, разом заострив черты, подернув взгляд отчаяньем и безнадежностью. Видимо, это было по-настоящему страшно.

– И поэтому тоже. – Александра зябко обхватила свои плечи руками, словно ей вдруг стало очень холодно.

– Да ладно! Ты просто к нему придираешься! – тут же выдала Дина. Она сидела на кровати, подобрав под себя ноги, и накручивала на палец кончик косички. – Потому что тебе не нравится его имидж!

– Погодите, – произнес Северин, и все посмотрели на

него: обычно он говорил очень редко. – Мне, вы знаете, тоже не очень симпатичен Ян. Но надо разобраться в ситуации. Парень вытащил нас из Китежа, спас Сашу. В общем, я тоже не уверен, что предатель именно он. То, что у Яна паршивый характер, еще не означает, что он способен на любые подлости.

– Но предатель есть, я уверен в этом! – Глеб поднялся и сделал несколько шагов по комнате. – Так кто же это?

– Может быть, я? – Динка, засунув кончик косы в рот, с любопытством смотрела на Глеба.

– Болтушка! – Парень легко потрепал ее по затылку. – Вот что я думаю, а если устроить Яну что-то вроде проверки?

– Тогда можете устраивать проверку и мне! – Саша тоже встала, ее обычно бледные щеки чуть заметно порозовели.

Глеб развел руками, демонстрируя собственное бессилие при подобном поведении коллектива, и, повернувшись к девушке спиной, подошел к окну.

– А в башенке Брюса и вправду горит свет! – вдруг произнес он удивленно.

Ребята бросились к окну. В темноте ночи был отчетливо виден неяркий, какой-то тревожный свет в крохотной башенке закрытого и полузаброшенного ныне дома Якова Брюса.

Утром Глеб обошел старый дом, внимательно оглядывая его. Обе двери – передняя и задняя – были заперты на со-

всем простенький замок, да и окна открыть не представляло проблемы. В башню мог забраться абсолютно любой – начиная от увлеченной историей девушки Маши (у которой наверняка и ключи имелись) и заканчивая любопытным отдыхающим. Однако отчего-то воспоминание об огоньке тревожило. Пожалуй, так же сильно, как неразрешенная ситуация с Яном. Впервые в их группе наметился конфликт, причем внес его этот малосимпатичный ершистый парень.

Глеб задумчиво провел рукой по шершавой поверхности стены и вдруг увидел стоящего в дверях высокого худого старика с длинными седыми волосами. Одежда у старика была в беспорядке, а глаза блуждали, словно у безумца.

Дом, перед которым стоял Глеб, выглядел теперь несколько иначе. Изменилась и дверь, и тональность стен, а на крыльце теперь стояли высокие мраморные вазы в псевдо-греческом стиле.

– Я понял, – шептал старец, – теперь я знаю формулу! Это же так просто! *Qui cherche trouve!*⁸

Взгляд пронзительных, неожиданно молодых и пытливых глаз остановился на Глебе. Старик протянул костлявую руку, указывая на него и...

Глеб моргнул, и видение исчезло.

– Яков Вилимович, – прошептал парень, ничуть не сомневаясь, кого сейчас узрел. Да и гордые, как у хищной птицы, черты морщинистого лица не забудет никто из тех, кто ко-

---

⁸ Кто ищет, тот найдет! (*франц.*)

гда-либо видел портрет Якова Брюса.

Глебу уже не раз случалось видеть прошлое, но всякий раз это было подобно удару молнии.

Парень потер переносицу и обернулся. И тут подумал, что по-прежнему находится где-то в прошлом, потому что на встречу ему шла Ольга.

На ней были синие джинсы и тонкая ветровка, рыжие волосы девушки свободно рассыпались по плечам и сверкали на солнце расплавленным золотом.

Не доходя нескольких шагов, девушка остановилась.

– Ольга? – тихо произнес Глеб, словно боясь, что от звука человеческого голоса видение исчезнет.

Она заправила прядь волос за ухо.

– Привет, Глеб. Я хотела бы увидеть Яна. Не подскажешь, как его найти? – спросила Ольга так спокойно, словно каждое ее слово не вколачивало в его сердце огненный гвоздь.

– Ну да, конечно, Яна, – отозвался он, стараясь сохранить на лице то же бесстрастное выражение. – Ты найдешь его в его комнате. Вон тот корпус, – Глеб махнул рукой, указывая на желтый флигель, где они остановились. – Он не выходил к завтраку. Думаю, еще спит.

– Понятно. – Она переступила с ноги на ногу, видимо, не зная, о чем дальше говорить.

Глеб тоже молчал, разглядывая растрескавшиеся ступени.

– Глеб! – вдруг позвала Ольга. – Понимаешь, я обещала отцу, что между нами все будет кончено. Ты не представля-

ешь...

– Не надо! – Он натянуто улыбнулся. – Пожалуйста, только не оправдывайся, только не пытайся объяснить что-либо... Еще увидимся.

Он пошел прочь, спиной чувствуя ее обжигающий взгляд. Как же глупо! Как нереально глупо все вышло!..

* * *

В окно яростно светило солнце. Ян широко зевнул и покосился на часы. Полдень – прекрасное время для подъема, тем более что, судя по вчерашнему дню, Яну вовсе не грозило стать фанатом местной санаторской диетической кухни, а поэтому о завтраке можно было забыть без сожалений.

Зазвонил телефон. Парень взглянул на экран и поморщился, но все же принял вызов.

– Уже не спишь? – послышался бодрый отцовский голос.

Отец звонил, чтобы исполнить свой родительский долг и узнать, все ли в порядке с непутевым сыном, паршивой овцой их благочинного семейного стада.

– Если бы и спал, ты бы все равно меня разбудил, – отозвался Ян и отвернулся от окна, от немилосердно бьющего в глаза солнца. – Прими отчет: со мной все в порядке – за ум не взялся, валяю дурака и бездарно прожигаю свою жизнь. В общем, в мире есть стабильность, а небо еще не рухнуло на землю.

– Мог бы разговаривать со мной и полюбезнее, – сухо ответил отец.

– Зачем же? У тебя полно подчиненных. Когда тебе захочется, чтобы перед тобой повилялы хвостом, позвонишь кому-то из них. Или Косте. – Ян, прижимая трубку плечом, принялся натягивать на себя черные джинсы, но, разумеется, уронил аппарат.

Весьма своевременно, потому что, подняв его, застал только заключительную часть отцовского выговора.

– ...именно ему я и оставляю все деньги, – грозно закончил отец.

Контекст и без этого оказался вполне понятен. Костя, двоюродный брат и ровесник Яна, был очень правильным молодым человеком. Как раз таким сыном, какого и хотел иметь его отец. Деловой, целеустремленный, не понимающий юмора, зато прекрасно осознающий роль денег, этот юноша уверенно шагал к успеху. Уже сейчас он подрабатывал в банке, принадлежащем отцу Яна, причем всего лишь курьером. «Я не боюсь трудностей, а еще хочу начать с самых низов, чтобы разбираться во всех процессах», – говорил он, и суровый банковладелец млел и таял. Яну вспоминался прекрасный эпизод из «Джен Эйр», где некий мальчик на вопрос, что он хочет: съесть печенье или выучить псалом, неизменно отвечал, что псалом, и незамедлительно получал в награду два печенья.

Ян на дух не переносил двоюродного брата, тем более

зная, что Костя – вовсе не такой ангел, каким стремится казаться.

– Очень рад за Костю, – ответил он в трубку. – Уверен, от таких головокружительных перспектив братец удвоит свои старания, а ты сможешь сэкономить на чистке ботинок – ради карьеры и денег он вылизет тебе их языком.

– Ты – наше наказание. Мое и твоей бедной матери! – последовала финальная реплика – и отбой.

Парень швырнул мобильник на незаправленную кровать и тихо выругался. Когда-то Яну хотелось быть идеальным сыном, но в отличие от того же Кости он просто не мог притворяться. Ну не идеален он – что тут попишешь?

Натянув толстовку с принтом, изображающим череп, Ян вышел из комнаты. После разговора настроение оказалось безнадежно испорчено.

– Доброе утро! – У окна в коридоре стояла Мария – опять в своем рабоче-пасторальном облачении – и улыбалась Яну, словно вчера не выскакивала на него из кустов и уж точно не хватала за горло.

– И тебе не болеть, – хмуро бросил он. – Чего-то нужно?

– Я хочу извиниться. За вчерашнее. – Девушка шагнула к нему и просительно заглянула в глаза. – Понимаешь, сюда уже приезжали какие-то то ли сатанисты, то ли еще кто, они даже ритуал какой-то устроить хотели, чтобы вызвать дух Якова Вилимовича...

– А сейчас ты посмотрела на мой балахон и поняла, что

трагически ошибалась, а я вовсе не из их числа? – уточнил Ян, с любопытством разглядывая Машу. – Просто-таки алмаз!

Девушка смутилась и опустила глаза под его пристальным взглядом.

– Я извинилась, – тихо произнесла она, – ты не такой, каким хочешь казаться.

– Ага, – Ян хмыкнул, – а на самом деле я белый и пушистый, как северный песец или банковский курьер с большими карьерными перспективами.

Маша сочла эту фразу приглашением к перемирию, поэтому вновь воспряла духом.

– Ты пропустил завтрак, и я захватила для тебя бутерброды. – Она метнулась обратно к окну и жестом фокусника достала накрытую белой салфеточкой тарелку. – А то будешь голодным ходить...

– Какая забота! У вас тут, однако, сервис получше, чем в иных пятизвездочных отелях, – прокомментировал Ян, но взял тарелку. Из-под салфетки аппетитно пахло копченой колбасой, которой, учитывая профиль заведения, в этом санатории никак быть не могло.

– Приятного аппетита! – Маша отказывалась замечать иронию, и на миг Яна даже посетили сомнения. А что, если она действительно такая дурочка, какой хочет казаться?...

– «Офелия! О нимфа! Помяни меня в своих молитвах!» – процитировал он Шекспира и добавил от себя: – И помолись

за мой хороший аппетит.

Затем Ян шутовски поклонился и двинулся было обратно к своей комнате, чтобы предаться сладчайшему из грехов – чревоугодию, когда его окликнул другой женский голосок.

– Вот это популярность. Может быть, я проснулся в теле принца Уильяма? Вот была бы незадача! – пробормотал Ян себе под нос и повернулся навстречу спешившей к нему Ольге.

Маша еще не ушла и наблюдала за ними со стороны, поэтому Ян позволил себе чмокнуть девушку в щечку и тут же, подхватив под локоть, потащил ее к своей комнате.

– Считай, что на двери у меня табличка «Не беспокоить», – добавил он специально для странной служительницы.

Ольга, несколько ошарашенная его поведением, безропотно последовала за своим спутником.

– Тебе нужна помощь? Что-то случилось? – спросила Ольга, встревоженно заглядывая Яну в глаза.

– Ну... в принципе, наверное, нужна... – Он сел на кровать и поставил на колени тарелку с бутербродами и сделал приглашающий жест. – Для меня это слишком плотный завтрак, так что помогай!

– Я серьезно! – Девушка подошла к нему ближе. – Ты же знаешь, что я тебе обязана...

– Слушай, – Ян с явным сожалением отставил тарелку и взглянул на Ольгу из-под занавешивающей глаза челки, –

не надо строить из себя святую благодарность, а то у меня несварение случится, и я окончательно укреплюсь в мысли, что добро наказуемо.

– Ян, – девушка присела перед ним на корточки, – зачем ты носишь эту маску. Я ведь вижу, что ты другой...

– Ага, белый и пушистый, только сейчас болею. Уже проходили... – Он отвернулся к окну.

– И мой отец очень хорошо о тебе отзывался, – продолжала Ольга, – он немного знает твоего отца...

– Но не знает, какие отношения царят в нашем домашнем серпентарии, – хмыкнул Ян.

– Знает. Он говорил, ты хочешь доказать своему отцу, что можешь достигнуть всего сам, и обещал тебе помочь. Хочешь?

– Благодарствую, как-нибудь обойдусь без одолжений. – Парень откусил от бутерброда и принялся сосредоточенно жевать, всем видом демонстрируя, что ему безразличны даже самые заманчивые предложения.

– Вот и я сказала папе, что ты слишком гордый, чтобы согласиться принять чью-то помощь!.. Ян, а можно я тебя нарисую?... – вдруг спросила девушка.

– А может, лучше Глеба? – ответил он, прожевав.

– Глеб... – Ольга поднялась и отошла к окну. Теперь она стояла спиной к своему собеседнику – так, что он не мог разглядеть ее лицо, только слышал спокойный, немного печальный голос. – Мне казалось, что я люблю его... Но потом...

даже не знаю. Он очень хороший. Может быть, слишком хороший для меня.

– И настало время мальчишей-плохишей, а отличницы всегда влюбляются в хулиганов и двоечников, – мрачно добавил Ян. – Кстати, никогда не был хулиганом, а вот учился то на пятерки, то на двойки. Забавно, учителя почему-то никогда не верили, что я чего-то не знаю, и считали, будто, не отвечая урок, я над ними издеваюсь, а я всего-то не хотел открывать учебник.

– Ян, зачем ты меня позвал? Зачем ты меня мучаешь? – Ольга стремительно повернулась к нему, и парень заметил на ее глазах слезы.

– Ладно, не плачь, – произнес он примирительно, – не хватает тебе еще плакать из-за всяких подонков... Поживи пока здесь, отдохни от своей Англии. Я правда не хотел тебя обидеть, но, сама понимаешь, привычка...

Девушка кивнула, улыбаясь сквозь слезы. Ее улыбка была похожа на солнце, проглядывающее сквозь дождевые облака сначала робко, едва-едва, а затем – все увереннее, самостоятельнее.

– Хочешь бутерброд? – Ян протянул ей тарелку.

– Нет, спасибо. Я, наверное, пойду... – Ольга шагнула к дверям и остановилась, оглянувшись на парня, – так все-таки насчет портрета...

– Рисуй, покуда я добрый. – Он махнул рукой.

– Ты это видел?! – Динка возмущенно повернулась к Северину.

– А что такого? – тот неуверенно пожал плечами.

– Как «что»?! – Девочка сердито нахмурилась. – Среди белого дня привести в комнату какую-то девицу!

– Он ее спас, – возразил парень.

– И что теперь? – не унималась девочка, припирая Северина к стене. – У нас что, есть закон – «спас принцессу – обязан на ней жениться»? Ну, ты меня, допустим, тоже спас, так что, женишься на мне?

– Подрасти сначала, – ответил парень и почувствовал, что отчего-то краснеет. Ох, не мастер он был вести подобные разговоры!

– Струсил! – Динка презрительно поморщилась. – Не бойся, не заставлю на себе жениться. Мне, может, Ян больше нравится. Он такой... такой... – Она по привычке принялась теребить кончик косы, подбирая нужное слово, – такой готичный! – закончила девочка восхищенно.

Северину стало обидно. Интересно, почему девушки всегда влюбляются в плохих парней, а потом страдают и жалуются? Надо признаться, этот Ян не такой, как показался им вначале, однако у него в голове, очевидно, свои тараканы, и причем весьма откормленные. Динка – надежный друг

и старый товарищ, и он, Северин, в какой-то мере несет за нее ответственность, а поэтому пусть бы она лучше выбрала кого-то постабильнее, понадежнее. И вообще рано ей влюбляться.

— Я в твои годы... — наставительно начал он.

— Парни вообще развиваются позднее девчонок, — перебила его Динка. — Но я вообще-то подумаю. Может, и не влюблюсь в Яна.

Девочка, наклонив голову к плечу, искоса посмотрела на Северина.

«Надо же, — поразился тот, — и как это у них получается? От горшка два вершка, а кокетничает!»

* * *

Днем Глеб собрал всех членов команды, чтобы запланировать на ночь долгожданную вылазку. Даже Александра обрадовалась тому, что они наконец приступают к действиям. Вся команда пылала энтузиазмом, кроме, разве что, самого Глеба, который, несмотря на прилагаемые старания казаться сосредоточенным на делах, все же оставался нервным и обеспокоенным. По крайней мере, Ян четко видел это и даже знал тому причину.

Глеб избегал встречаться глазами с новоявленным соперником и проявлял максимальную корректность.

«Страдает, — думал Ян, глядя на нервно сцепленные руки

Глеба. – Ничего, потом еще мне спасибо скажет».

Сразу после импровизированного собрания все ребята разошлись по своим делам, а Ян отправился в библиотеку. Конечно, он не надеялся найти там нечто особенное, однако нужно же как-то тратить если не отпущенную вечность, то хотя бы время до вылазки.

Книжный фонд, как Ян и полагал, оказался не слишком роскошным, а трудности с финансированием и комплектованием были налицо и здесь: новинок почти не видно, библиотека словно застыла где-то в доперестроечном советском времени. Только зачитанные детективы в мягких обложках, очевидно, оставленные самими отдыхающими, свидетельствовали о том, что на дворе двухтысячные годы.

Ян уже собирался уходить, когда его внимание привлек толстый потрепанный корешок. Парень и сам не мог бы сказать, что именно его заинтересовало, однако книга словно излучала нечто, притягивая к себе, как магнитом.

Замирая, Ян вытащил книгу и... не смог сдержать разочарованного вздоха.

«Основы животноводства. Практикум по сельскому хозяйству для тружеников полей», – значилось на тканевой обложке.

Ян заглянул внутрь, пролистав пожелтевшие страницы. И вправду, совершенно неинтересно. Все приводимые в книге рекомендации устарели лет на семьдесят-восемьдесят и не могли заинтересовать уже даже самого ярого любителя сель-

ского труда. Впрочем, наверняка книга представляла некую библиографическую редкость. Можно было, конечно, показать ее Александре, которая понимала в книгах гораздо больше самого Яна, но зачем? Если бы том был посвящен хотя бы искусству или истории...

Парень закрыл книгу и поставил ее обратно на полку, когда вдруг почувствовал чей-то внимательный взгляд.

Ян оглянулся и увидел Машу. Девушка смотрела на него, и во всей ее позе чувствовалось напряжение.

– Что-то случилось? – Ян иронически приподнял бровь. – Ты боишься, что я могу устроить сатанинский обряд прямо в библиотеке?

– Ян... – Маша подошла к нему и вдруг, словно в мольбе, сложила на груди тонкие белые руки. – Мне очень нужна твоя помощь! Пожалуйста, ты же не откажешь мне?

– Какого рода помощь? – уточнил Ян, удивленный этой неожиданной просьбой, которую Маша вывалила на него, не позаботившись даже о каких-либо приличествующих случаю вступительных словах.

– Это связано с кое-какими материалами...

Становилось все интересней.

– Попроси Глеба, он специалист в истории, – ответил тем не менее парень, стараясь не выдать собственной заинтересованности. – Или Александру, она у нас главная по книжкам.

Девушка нахмурилась.

– Если бы я хотела получить их помощь, то обратилась бы к ним. Мне нужен именно ты, – ответила она, не сводя с Яна немигающих широко распахнутых глаз.

Парень присвистнул. Все удивительней и удивительней. Интересно, чего она все-таки от него хочет, почему привязалась к нему с момента их появления в санатории? И вправду говорят – неземную красоту не спрячешь!

Ян вовсе не верил в сказочки и сильно сомневался в том, что похож на прекрасного принца, воспламеняющего сердца всех девушек в округе, но в последнее время ему отчего-то особенно везло на женское внимание. «Не к добру», – подумал Ян.

– И когда тебе потребуется эта помощь? – уточнил он, прикидывая, что, если повезет, может обнаружить в архиве этой странной Маши что-либо полезное и интересное. А чем дьявол не шутит, вдруг где-то по волшебству завалялась магическая книга самого Брюса. Если бы она попала Яну в руки... О, это было бы очень, очень полезно!

– Сегодня вечером, когда я закончу работу. У тебя нет планов часов на одиннадцать? – Девушка улыбнулась.

Все-таки она была очень красива. Нереально красива. Эти правильные и нежные черты лица, необыкновенные огромные глаза... Мария казалась идеальным человеком, словно прибыла из прекрасного будущего, где необыкновенные генные технологии, как и мечтали ученые, превратили людей в эдаких бескрылых ангелов, совершенных созданий, лишен-

ных малейшего изъяна.

И это совершенство тоже несколько смущало Яна. Он не верил и в совершенство.

– И это никак нельзя отложить на завтра? – Парень старался не смотреть на Машу, чтобы невольно не поддаться обаянию девушки. Ян остро ощущал нежный запах духов и чувствовал ее тепло слишком близко от себя, чтобы оставаться совершенно спокойным.

– Сегодня. Ты согласен? – переспросила Маша чуть настойчивее.

«Ладно, – подумал Ян, разглядывая носки ее аккуратных черных туфелек, – только посмотрю, вдруг у нее и вправду есть что-то ценное. А если нет, слиняю по-быстрому и еще успею присоединиться к ребятам».

Ян поднял голову и наткнулся на взгляд глубоких голубых глаз.

– Не помочь прекрасной даме – это преступление, – выдал он из себя шутку, однако нервно сглотнул. Ее обаяние было слишком сильно, а значит, лучше держаться от этой Маши подальше. Он надеялся, что та сочтет его девушкой Ольгу и займется кем-нибудь другим, уж если местной красотке приспичило искать мужское внимание, однако, как говорится, упс, не сработало.

– Спасибо, Ян. – Нежные пальчики на миг коснулись его руки, и Маша стремительно вышла из библиотеки.

– Может, я по ошибке повесил на себя что-то вроде эль-

фийского чарма ⁹ и кажусь теперь убийственно привлекательным всем особам женского пола? – пробормотал Ян задумчиво.

– Молодой человек, чего это вы встали в проходе? – раздался над ухом высокий женский голос, враз разрушивший Яновы иллюзии. Подошедшая к нему полноватая тетенька в синем служебном халате уж точно не пала жертвой его привлекательности.

– Уже ухожу. Не смею мешать вам, прелестнейшая из нимф! – Парень шутовски поклонился растерявшейся от такого обращения библиотекарше и вышел на улицу.

---

⁹ Необыкновенная привлекательность.

Глава 4

Что скрывает тьма

– Идем без Яна, – объявил Глеб.

Ребята стояли на дорожке неподалеку от главного дома. На землю уже опустилась ночь. Беззвездная и темная, как раз подходящая для задуманного дела.

– Но как же... – попробовала возразить Динка.

– Да ладно, ходили же мы и без него, и даже с большим успехом! – перебил ее Северин.

Воздух словно загустел, и Александре казалось, будто он огнем опалает легкие. Намек был очень прозрачен. Обе экспедиции, проходившие без Яна, увенчались успехом, и только последняя, уже с его участием, провалилась. Все, кроме нее самой и, похоже, Динки, почти не сомневались, что предатель – Ян. Именно он наводит на след «русичей» конкурирующую организацию и мешает добиваться успеха. Предательство Яна казалось таким логичным, что Александра просто не могла в этом не усомниться. Уж она-то знала, куда ведут легкие дороги.

– А где сейчас Ян? – спросила девушка.

– Представляешь, – оживилась Динка, – я видела его с этой красоткой, с Марией! А еще к нему сегодня другая девица приехала. Рыжая такая. Они вместе выходили из его

комнаты, прикинь!

Укол оказался неожиданно болезненным, и Саша обрадовалась, что темнота надежно скрывает ее от друзей. Удивление? Разочарование? Досада? Девушка и сама не понимала, откуда взялись эти странные чувства.

– Хватит болтать. – Голос Глеба прозвучал несколько напряженно. – Пора идти. Даже лучше, что Ян отвлекает Машу. Она и так слишком много знает. Стоит поторопиться, пока нас никто не заметил.

Они уже давно приглядели место, откуда было легко проникнуть в здание. Динка, подсвечивая себе крохотным фонариком, свет которого был незаметен со стороны, если прикрывать фонарик ладонью, справилась с защелкой окна не более чем за пару секунд. Северин первым легко вскочил на подоконник, шагнул в здание и подал руку, помогая перебраться девушкам. Глеб проник в старинную усадьбу последним.

Внутри пахло запустением – плесенью, сырой штукатуркой, старыми слежавшимися тряпками. Чувствовалось, что дом уже давно нежилой. Сейчас он напоминал печальный призрак, и уже с трудом верилось, что внутри него когда-то кипела жизнь. Впрочем, вспоминая прочитанное о Якове Брюсе, можно поручиться, что у этого дома всегда была странная судьба. В нем никогда не играли дети, не устраивались модные в те времена балы и маскарады. Должно быть, этот дом даже родился стариком – мрачным, оди-

ноким, немного брюзгливым, недовольно поскрипывавшим половицами и оконными ставнями, словно жалующимся на сквозняки.

Вот и сейчас эти поскрипывания и негромкие шелесты напоминали недовольные стариковские вздохи. «Ну что, явились? – словно спрашивал незваных гостей Брюсов дом. – Ну посмотрим, посмотрим, чего вы стоите».

Ребята, стараясь поменьше шуметь, хотя кто бы мог услышать их в пустом полузаброшенном доме, обошли первый и второй этажи, разглядывая комнаты при помощи прикрытых сверху листами плотной бумаги фонариков – специальная мера, чтобы свет не был виден из окна. Вроде ничего необычного, даже к потрескиванию половиц постепенно привыкаешь.

– Старое дерево часто скрипит, – объяснил Глеб. – От влаги доски разбухают, а высыхая, уменьшаются, образуя зазоры. В общем, со временем начинает скрипеть даже самый хороший деревянный пол.

– А почему он скрипит, даже когда мы на него не наступаем? – не поверила Динка.

Словно в подтверждение ее слов неподалеку послышался скрип, будто к ребятам подбирался кто-то невидимый.

– И такое бывает. Доска «гуляет» – опять из-за той же сырости. Распространенное явление, даже в жилых домах, – без тени сомнения ответил Глеб.

Его объяснения были вполне правдоподобными, однако

Александрю не оставляло совершенно жуткое и иррациональное ощущение, будто за ними на небольшом расстоянии действительно кто-то ходит.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – Она посмотрела на Северина: у него был необыкновенный, сверхчеловеческий нюх, и парень, несомненно, учуял бы в доме постороннее присутствие.

– Не знаю даже... – Голос парня звучал озабоченно. – Вроде никого и нет, а с другой стороны, у меня вся шерсть... все волосы дыбом стоят.

– Это призрак Брюса! – с торжеством объявила Динка. – Что, уже жалеете, что Яна не взяли?!

– Кто-то хочет повернуть обратно еще до того, как мы что-то обнаружили? – спросил Глеб спокойно.

Поворачивать на этом этапе было все равно что расписаться в своей непригодности. После этого им только и осталось бы расформировать организацию и забыть об артефактах и всяких странных историях уже навсегда. Александра подумала, все таинственные звуки могут объясняться как естественными причинами, так и быть простой пугалкой, отсеивающей робких новичков как раз тогда, когда они ступили на верный путь.

– Собственно, все верхние этажи этой усадьбы горели еще до революции, – продолжал меж тем Глеб. – Кстати, любопытный случай. В дом прямым ударом попала молния, а здесь в то время был склад хлопка...

– Так что же мы теряем время?! – рассердилась Динка. – Идем вниз! Все интересное должно быть именно там. Я читала, будто под домом есть разветвленные ходы и подземелья, где и спрятаны главные сокровища Брюса!

– Значит, все-таки пойдем? Без Яна? – уточнил Глеб.

Александра различила в его вопросе легкую насмешку, заметную лишь тем, кто знал Глеба очень давно, – для других же его голос продолжал оставаться серьезным.

– А чего тянуть русалку за хвост? – буркнула Динка и, словно назло всем духам, населяющим Брюсов дом, затопала вниз, стуча своими «Мартинсами».

Над подвальной дверью Дине пришлось похлопотать несколько дольше. Замок заржавел и отчего-то упорно не желал открываться, как бы девочка ни старалась.

Хорошо хоть теперь можно было не думать об окнах и фонарики работали на полную мощность.

– Колдовство какое-то, честное слово! – хмуро заметила она.

– Сейчас. – Северин полез в карман и, вытащив пакетик, принялся сыпать что-то на замок.

– Эй, ты что делаешь? – Динка отдернула руки. – Это что-то разъедающее?

– Не без того, – отозвался парень, протягивая девочке пакетик.

Саша тоже вытянула шею, с любопытством разглядывая странный реактив.

«Соль», – значилось на пачке.

– Это что еще такое? – удивилась Динка.

– Соль, – повторил очевидное Северин. – Мой отец всегда учил меня, что соль – первейшее средство от злого колдовства, дурного глаза...

– Ага, – хмыкнула, перебивая его, девочка, – и от злых замков. Теперь он, конечно, сразу откроется.

– А ты попробуй, – предложил Глеб. Он, к удивлению обеих девушек, то ли поддержал суеверие Северина, то ли предпочитал не спорить с ним. – Народ зря выдумывать не станет, в народных традициях есть много рационального и полезного.

– Честное слово, каменный век какой-то! Мракобесие и джаз! – пожаловалась Динка, но тем не менее вновь взялась за замок.

Щелчок – и он открылся.

– Совпадение! Обыкновенное совпадение! – буркнула девочка. – Ну что, охранную мантру читать будем или так пойдем?...

Из подвала дохнуло сырым гнилостным запахом, и Саша живо вспомнила бесконечные туннели под Москвой-рекой, по которым их группа шагала в поисках знаменитой Либрии – библиотеки Ивана Грозного. Только тогда, пожалуй, было не так страшно, хотя бы потому, что в те времена ребята еще не видели всей изнанки реальности и до конца так и не верили, что в темноте водятся действительно страшные

и смертельно опасные твари...

– Я иду первым. Саша за мной. Затем Динка. Северин, ты прикрываешь. Всем быть предельно внимательными, – командовал Глеб, и Александра заметила, что он достал из кармана ветровки пистолет.

Значит, готовиться надо ко всему.

И в этот момент в нос так и ударила удушающая, отвратительная волна смрада.

* * *

– И это на самом деле находилось когда-то в библиотеке Брюса?! – Ян наконец немного пришел в себя и поднял глаза на девушку, о которой, признаться, абсолютно забыл, едва только увидел книгу.

Он забыл обо всем – не только о Маше, но и обо всем остальном мире.

Толстый том со слепой, лишенной всяких надписей, растрескавшейся обложкой оказался ценнее золота и драгоценных камней. Да что там, он был дороже всего на свете... если, конечно, являлся подлинным.

Нет, это не было тем, за чем их сюда отправили. Хотя, сказать по чести, Брюсов календарь – мощный артефакт, способный управлять людьми, подчиняя себе людские души, – не взволновал бы Яна так сильно. Лежащий перед ним том был ценнее именно для него. Для любого, так или иначе свя-

занного с магией. Старинная книга с записями, сделанными знаменитым чернокнижником, открывала дорогу в совершенно особый мир, была способна провести по тропинкам тайных знаний.

– Неужели это подлинник? – пробормотал Ян, легко, словно любовно, поглаживая пожелтевшие страницы.

Маша улыбнулась.

– Ручаться, конечно, не могу, но, судя по некоторым признакам, книга настоящая. Или умело созданная мистификация, – сказала она.

Они находились в одной из комнат желтого флигеля, должно быть, принадлежащей самой Марии. Обстановка здесь оказалась самая простая, можно сказать, спартанская: желтые, уже далеко не новые обои в цветочек, узкая кровать, заправленная каким-то выцветшим сиротским покрывалом, обшарпанный шкаф, вряд ли скрывающий в себе разнообразные богатые наряды, письменный стол и один-единственный, немного хромоногий стол.

Книга, лежащая теперь на столе, на фоне окружающего убожества казалась еще нереальнее, и Ян поспешно прикоснулся к ней, словно проверяя, не растворится ли она под его пальцами, не пропадет ли, как мираж.

Ян сглотнул и попытался взять себя в руки. Его волнение заметил бы даже слепой. Теперь придется как-то исправлять дело, чтобы Маша не догадалась о его истинных желаниях и мотивах.

– Это очень дорогая и ценная с исторической точки зрения книга, – сказал он, тем не менее не в силах оторваться от тома. – Ты не думала, что ее можно продать и получить кучу бабок?

Девушка, сидящая на кровати, всего в одном шаге от Яна, покачала головой.

– Деньги – это не главное, – наставительно произнесла она.

– Ага, главное – их количество, – пошутил Ян скорее по привычке. – Но тогда... что же ты собираешься делать?... Хотя... конечно, сначала нужно проверить подлинность, убедиться, что все это действительно написано самим Брюсом... Что, кстати, очень сомнительно – слишком хорошо сохранились чернила.

Ян снова открыл книгу на первом попавшемся развороте и уставился в ровные строки, выведенные от руки чьим-то старательным витиеватым почерком, разобрать который, очевидно, составит отдельную проблему. «Вызов духа почившего», – разобрал парень один из заголовков. Далее следовало подробное описание ритуала.

– Ты что-то понимаешь в этом? – спросила тем временем Маша.

– А? – Ян вздрогнул. – В чем? Нет, не понимаю. То есть...

Похоже, вся конспирация летела к чертям. Девушка смотрела на него пристально, не мигая, и от этого взгляда парня стал пробирать озноб.

– Мне нужна помощь. Для научной диссертации, – продолжила Маша.

– Ну конечно, для диссертации, – эхом откликнулся Ян. Он перестал уже понимать что-либо, даже то, на каком находится свете. Разве бывают такие совпадения: в мечтах, в которые Ян не верил и сам, ему грезилась книга по магии, написанная самим Яковом Вилимовичем, – и вот, пожалуйста, она у него в руках! Бред! Сумасшествие! Загадывайте желания, спешите – они сбываются!

Ян на миг отпустил книгу, чтобы побольнее ущипнуть себя за руку, но не помогло, и он вновь вцепился в потертый, чуть холодный на ощупь том.

– Я очень надеюсь на твою помощь. Полистай это, сформируй свое мнение... – Маша положила свою руку поверх руки Яна.

– Ммм... но как... На это требуется время... – забормотал тот, не решаясь смотреть ни на девушку, ни на книгу.

В голове носились путанные мысли, как бы заполучить это бесценное сокровище. Хотя бы на час. Нет, не стоит обманывать себя: он не расстанется с ним ни через час, ни когда-либо вообще. Если книга хранится в этой комнате, выкрасть ее легче легкого... И почему вообще выкрасть? Маше она не нужна! Разве эта девчонка когда-нибудь оценит, что за бриллиант случайно попал ей в руки?! Это будет даже не воровство, а... А спасение ценной книги из рук невежды. Ну да, конечно, все именно так! Сомнений нет и просто не мо-

жет быть! Маша, конечно, заподозрит его, но если проверить дело достаточно тонко, у нее не будет доказательств. И вообще, окажись эта книга в его руках, что ему чьи-либо подозрения?! Решено!

– Время у нас есть, – заверила Маша. – Возьми книгу с собой. Изучишь спокойно, так, чтобы тебе никто не помешал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.